

Е.А. Желунович

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КОМПАРАТИВОВ В “ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА”

“Письма русского путешественника” (далее – ПРП) Н.М. Карамзина в русской литературе стали подлинно художественным открытием эпистолярного жанру, с которым связано возникновение нового литературного направления – сентиментализма и “нового слога” в истории русского литературного языка. “Письма русского путешественника” – этап не только в развитии русской литературы и общественной мысли, но и в истории русского литературного языка [1, с. 582].

Основу повествования “Писем” составили заграничные впечатления “чувствительного” путешественника, молодого русского дворянина, проявившего глубокий интерес к истории и политике, культуре и искусству, быту и нравам жителей стран Запада. “Письма” стали в этом смысле “окном в Европу”. Прекрасно образованный, говорящий с мыслителями разных европейских стран на их языках, наблюдательный и тонко чувствующий писатель и журналист Карамзин раскрыл русскому читателю стороны социальной и культурной жизни европейских стран, показал им собственное отношение к описываемому, делаясь с читателем богатством “духовного мира русского путешественника”. В “Письмах” впервые в истории русской литературы утвердился новый образ автора, сосредоточившего свое внимание на “душе человеческой” и способного активно воспринимать и творчески оценивать окружающую действительность.

В изучении семантической природы сравнений распространено мнение о том, что сравнение представляет собой окказиональный семантический комплекс, значение которого отличается от словарных значений составляющих его компонентов. Исходя из этого, семантическая структура сравнений рассматривается с точки зрения отношений компонентов друг к другу, их взаимосвязи и отношения сравнения к контексту. Таким образом, семантической структурой образного сравнения будем называть соотношение лексико-семантического содержания двух конституирующих членов референта и агента.

Для выделения типов лексико-семантического содержания основных компонентов сравнения (референта и агента) предварительно была проведена классификация синтаксически доминирующих существительных, входящих в состав референта и агента сравнений.

В основу классификации была положена принадлежность или отнесенность существительного к одному из следующих семи лексико-семантических классов: 1) “человек”, куда вошли названия лиц разного социального положения (господин, крестьяне, лакей и др.); лица разной национальной принадлежности (англичане, немцы, русские и т. д.); разного возраста (младенец, молодой человек, ребенок, старик); разных профессий и рода занятий (воин, парикмахер, пастух, философ, художник, врач); родственных и дружеских отношений (брат, друг, сын, отец); имена персонажей произведения, а также сам автор; названия частей человеческого тела, лица (глаза, губы, волосы); внешние проявления чувств (слезы, улыбка); а также перифрастические обозначения человека в определенной ситуации (кто был в Париже и не видал Большой оперы, (подобен тому) кто был в Риме и не видал папы).; 2) “явления живой природы”, куда включены названия диких и домашних животных (волк, лев, серна, коза и т. д.); 3) “явления неживой природы” составляют названия элементов земного рельефа (горы, луг, пещера, поля и т. д.); небесные светила (звезды, луна, Сириус, месяц); различные состояния атмосферы и природные явления (гроза, гром, туман, молния); названия водной стихии (волна, море, поток, ручей); элементы флоры (деревья, лес, травинка, цветы); соответствующие общие понятия (натура, природа); 4) “культура”, куда включаются названия литературных и музыкальных произведений, спектаклей, документов (“Парамифии”, журнал “*Memoires de Trevoux*”); названия стран, городов, селений (Англия, Данциг, Париж), названия строений (дворец, дом, синагога, хижина, церковь), лексика, связанная с просвещением, культурой (азбука, книги, опера, слово, спектакль, трагедия, язык), а также имена литературных персонажей известных произведений (Лаиса, рыцарь печального образа, Стернов дядя Тоби); 5) “мифологические имена” включают библейские имена и персонажи античной мифологии (амазонки, ангел, антихрист, Атрей, Бавклида, Иов, сатиры, музы, Язон, Крез и т. д.); 6) “вещи”, куда вошли названия предметов быта (вещь, вино, зеркало, обед, постель, фонарь, чернильница); 7) “абстрактные понятия”, куда отнесены слова, называющие различные чувства, психологические состояния человека и их проявления, способность его мыслить (взор, злоба, любовь, смерть, слава, сон, счастье и т. д.), а также названия, связанные с ощущением человеком времени (время, годы, месяц, минута, часы, неделя).

Распределение референтов (того, что сравнивается) по указанным лексико-семантическим классам показало преимущественное положение

группы “человек” – 53,8 %. Вторую позицию по частоте использования занимает группа “культура” – 12,5 %. Близки по количественным показателям группы “абстрактные понятия” (11,6 %) и “явления неживой природы” (10,2 %). Всё названное позволяет говорить о повышенном внимании Карамзина-путешественника к таким темам, как человек, его внутренний мир, культура, природа и предметы материальной культуры (9,4 %). “Явления живой природы” (2,1 %) и “мифологические имена” (0,4 %) на фоне сложившейся ситуации не оказывают существенного влияния на тематическую структуру сравнений.

Распределение лексико-семантических классов агентов (того, с чем сравнивается) показывает, что основным источником образов является группа “явления неживой природы” (28,7 %) и “человек” (20,7 %). Например, образы из мира неживой природы достаточно выразительны, содержательны и несколько неожиданны при описании такой проблемы, как воспитание и образование. Ср., “Другие европейские земли похожи на регулярные сады, в которых видите ровные деревья, прямые дорожки и все единообразное; англичане же в нравственном смысле растут, *как дикие дубы*, по воле судьбы, и хотя все одного рода, но все различны” [2, с. 501]; “Русские... не читали и воспитывали детей своих, *как натура воспитывает травы и цветочки*, то есть поили и кормили их, оставляя все прочее на произвол судьбы” [2, с. 95]. Многочисленные образы из области неживой природы являются неиссякаемым источником описания женской внешности: “Сестры прелестницы! Я ... хотел бы сравнить бело-румяные щеки ваши *с чистым снегом высоких гор*, когда восходящее солнце сыплет на него алые розы; я хотел бы уподобить улыбку вашу *улыбке весенней природы*” [2, с. 166]. Однако в изображении состояния человека и внешнего проявления этого состояния автор более сдержан и традиционен в выборе источника образности: “Карл IX *холоден как лед*” [2, с. 282]; “Я был в своем сердце так *холоден, как мрамор*” [2, с. 146–147]; “Как мучительна, ужасна морская болезнь! Кажется, что душа хочет выпрыгнуть из груди; *слезы льются градом*, тоска несносная” [2, с. 502].

Сопоставление количественных данных показало также непопулярную для “Писем” сферу образности – “абстрактные понятия” (6,0 %).

Обращает на себя внимание сравнительно равномерная наполняемость лексико-семантических классов агентов, относимых к группам “мифологические имена” (12,9 %), “вещи” (12,0 %) и “явления живой природы” (10,7 %), “культура” (9,0 %), что в целом создает живую и

пеструю картину мировосприятия автора, в которой гармонично сочетаются человек, природа и культура.

Круг привлекаемых образов животного мира в ПРП широк и разнообразен: *малиновка, птичка, серна, птицы небесные, улей пчел, горлицы, волки, зайцы, петухи, звери, лев* и т. д. Однако лишь в одном высказывании образ зверей используется в качестве элемента, способствующего описанию определенных сторон человеческого характера: “Те, которым потерять нечего, *дерзки, как хищные волки*, те, которые всего могут лишиться, *робки, как зайцы*” [2, с. 309]. В остальных случаях в сравнениях с животными первенствует экспрессия, картинность же – вторична. Писатель может открыто восхищаться прекрасным пением девушки и сравнивает его с пением малиновки: “Сидя за клавесином, среди блестящего общества, ты, красавица, хочешь нравиться и поешь, *как малиновка...*” [2, с. 472], в другом сравнении с нескрываемой иронией говорит об исполнении вечерней молитвы и танца. Ср., “Лейпцигский студент тотчас пристал к магистру, и они, *как добрые ослы*, затагнули такое дуо, что надобно было затыкать уши” [2, с. 102]; “Вестрис в пастушьем платье прыгал, *как резвая коза*” [2, с. 270].

Широкое использование в составе сравнений имен героев из классической (древнегреческой и древнеримской мифологии) в ПРП отвечает одной из традиций книжной речи, заложенной еще в XVIII в. Мифические имена, развившие переносно-характеризующие значения, содержат комплекс типизированных черт и, будучи использованы в качестве агента сравнения, включаются в описание манеры поведения, образа жизни, характера и деятельности сравниваемых лиц. Ср., “Георг Орлеанский запишет имя свое в истории, как Геростат; гений его есть злой дух разрушения” [2, с. 337] – *геростатова слава* – позорная слава. “Мрачный Кребильон воображал себя злобным Атреем” [2, с. 334] – Атрей в греческой мифологии – царь, отличавшийся чрезвычайной злобой [3, с. 26]. Чтобы избежать искажения информации в случае использования мифологических имен, Карамзин чаще всего оставляет “ключ” к пониманию высказывания – основание сравнения или придаточное предложение, содержащее конкретное указание на аспект сопоставления. Поэтому в сравнениях данного типа хорошо просматривается сходство сопоставляемых лиц по функции или действию: “Мирабо и Мори вечно *единоборствуют, как Ахиллес и Гектор*” [2, с. 420], “Вильян находит в Кафрии привлекательную Нерину, *гоняется за нею, как Аполлон за Дафною...*” [2, с. 396]. Употребляя мифологические имена в составе

сравнений, Карамзин апеллирует к интеллектуальному багажу читателя, что способствует возникновению дополнительных ассоциаций, связанных с каждым образом. В “Письмах” автор редко обращается к лексике из области культуры и мифологии как средству индивидуализации внешности, речи, эмоционального настроения персонажа или отражению собственного восприятия внешнего мира.

Самое характерное и самое значительное в “Письмах” – участие сравнений в изображении психологического состояния самого Карамзина, его чувств и эмоциональных откликов на события внешнего мира. Ср., “Темные, лесные надежды сердца! Исполнитесь ли вы когда-нибудь? Или, со всеми правами быть счастливым узнаю счастье только воображением, увижу его только мельком, вдали, *подобно блистанию молнии*, и при конце жизни скажу: “Я не жил!” [2, с. 463]. Чарующая красота природы, которой наслаждается Карамзин во время своих путешествий, уводит писателя от пессимистических настроений. И в “Письмах” появляются сравнения, выражающие всплески восторженных эмоций. Ср., “Насыщайся мое зрение!.. Построю хижину на голубой Юре, и жизнь моя протечет, *как волшебный сон!* ... Но ах! Здесь нет друзей моих!” [2, с. 233]. В своеобразных характеристиках-рассуждениях о достоинствах поэтических сочинений и их авторов сравнения призваны подчеркнуть то необычное и индивидуальное, что больше всего поражает самого Карамзина. Ср., “В английских поэтах ... есть какая-то приятная мечтательность, которая, *подобно английскому саду*, представляет вам тысячу неожиданных вещей” [2, с. 480].

Таким образом, в “Письмах” сравнения отличаются многообразием источников образности и широтой охвата описываемых явлений. Разнообразные в своих оттенках и художественных функциях, они обнаруживают определенные закономерности в употреблении агента сравнения. Главным отличием карамзинских сравнений является широкое использование в системе аналогов огромного багажа знаний автора из различных областей (античной мифологии, русской и зарубежной литературы, истории, философии). Сравнения такого типа позволяют постигать реальную действительность сквозь призму культуры, представленную русским путешественником. В этом ярко сказалось “цивилизующее значение”, по словам Ф.И. Буслаева, “Писем” Карамзина в истории русской культуры” [4, с. 186].

Літэратура

1. Лотман Ю.М., Успенский Ю.А. “Письма русского путешественника” Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 525–607.
2. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1988. 544 с.
3. Мифологический словарь: Кн. для учителя /М.Н.Ботвинник, Б.М.Коган, Б.П.Селецкий. 4-е изд., испр. перераб. М.: Просвещение, 1985. 176 с.
4. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М.: Учпедгиз, 1941.

І.М. Зуева

ЖАНРАЎТВАРАЛЬНАЯ РОЛЯ АНТРАПОНІМАЎ У ТВОРАХ ГІСТАРЫЧНАЙ ПРОЗЫ

Аўтары гістарычнай прозы ўзнаўляюць падзеі і воблік мінулага. Творы гэтага жанру маюць вялікую каштоўнасць, паколькі валодаюць сілай вялікага эмацыянальнага ўздзеяння і даюць унікальную магчымасць сучаснаму чытачу далучыцца да гісторыі, увасобленай у жывой, вобразнай форме. Менавіта таму многія з персанажаў з’яўляюцца не выдуманымі, а рэальнымі асобамі, сярод якіх не толькі князі, пань, царкоўныя дзеячы, але і прадстаўнікі іншых сацыяльных груп, чыя храналагічная канва жыцця захавана летапісамі, хронікамі, гістарычнымі дакументамі.

Спецыфічнай асаблівасцю твораў аднаго з найбольш папулярных беларускіх гістарычных раманістаў, У. Караткевіча, з’яўляецца выкарыстанне пераважна рэальна-гістарычных антрапонімаў для імянавання як шырокавядомых асоб у гісторыі, так і іншых персанажаў, у тым ліку другарадных. Творчы стыль У. Караткевіча можна вызначыць як стыль пісьменніка-даследчыка, які імкнуўся скурпулёзна і дакладна, у дэталях, хаця і ў займальнай мастацкай форме перадаць драматычныя падзеі беларускай гісторыі і пры гэтым выказаць сваю ўласную версію. Вызначыўшы для сваёй гістарычнай прозы зыходны рубаж шаснаццатым-дзевятнаццатым стагоддзямі, спалучыўшы рэальна-фактычнае з інтуітыўна-творчым У. Караткевіч даў чытачам магчымасць зазірнуць у “сіваю мінуўшчыну”. “Гістарычную прозу Караткевіча можна ўмоўна раздзяліць на дзве часткі: першая – творы, прысвечаныя асэнсаванню жыццядзейнасці беларусаў у познім сярэднявеччы (раман “Хрыстос прызямліўся ў Гародні”, апавесці “Сівая легенда”, “Цыганскі кароль”, “Ладдзя Роспачы”); другая – творы, якія адлюстроўваюць барацьбу роднага народа супраць царскага